

Егор Семенович третий день не находил себе места. Вернувшись от дочери из города жена подтвердила то, о чем он давно догадывался: зять Виктор окончательно задурил. Он уже не скрывал, что у него есть другая женщина и для него теперь главное – развестись с Таней без душераздирающих истерик и долгих судебных разбирательств. Теще он пря-

мо заявил: ошибки молодости надо исправлять вовремя. Женитьбу на Татьяне он считал ошибкой. Егору Семеновичу же, наоборот, казалось, что ошибку совершила Татьяна.

Зятя он недолюбливал. Все надеялся, что тот возьмется за ум, научится ремеслу, которое бы позволяло в достатке обеспечивать семью и самого себя. Но тот прямо не хотел уходить из школы, где работал учителем физкультуры. Когда же его сократили, а по понятию Егора Семеновича, выгнали за ненадобностью, устроился судебным приставом. Егору Семеновичу казалось, что все обязанности зятя теперь будут сводиться к тому, чтобы выбрасывать из квартир стариков, которым нечем платить за жилье. Такой гадкой работы он не желал бы даже врагу. И все не понимал, как Таня могла выйти за такого пустышку. Вон Колька Саморуков до сих пор про нее спрашивает. А он не чета Виктору. Сельхозинститут закончил, колбасное производство в деревне организовал, недавно продал «жигули» и купил новенькую «тойоту». А у зятя штаны и те куплены на деньги, которые Таня из родительских откладывала.

Жена Ксения приехала от дочери такой возбужденной, что у нее даже начало дергаться левое веко.

– Я уж говорила ей, смирись ты со своей участью и уходи, – Ксения, сидя на стуле, притиснула к бедрам трясущиеся руки, чтобы их не увидел Егор, и он отвел глаза. – А ты вместо ответа поднимается и уходит в другую комнату.

– Совсем не разговаривает, что ли? – спросил Егор Семенович, которому было больно видеть измученную жену, но еще больше думать о дочери.

– Да почти и не разговаривает. – Ксения тяжело вздохнула и посмотрела на мужа. – Не вмешивайтесь, говорит, в наши дела. Сами во всем разберемся. А чего разбираться-то? Тут и так все видно.

Егор Семенович отвел глаза. По взгляду жены понял, о чем она подумала. В молодости ей тоже досталось. Девки к Егору липли сами собой, и ни одной он не отказал. Но никогда в жизни ему не приходило в голову бросать из-за этого семью. Ксению он по-своему любил, а когда начинал возиться с детьми, забывал себя. Особенно много ласки доставалось Татьяне. И не потому, что она была младшей. Татьяна росла тихой, задумчивой и необыкновенно любознательной. Еще совсем маленькой сядет, бывало, к нему на колени и начинает расспрашивать. Почему, говорит, у Карюхи есть грива, а у кошки Мурки нету? Или почему собаки лают, а кошки мяукают. Егор почешет в затылке, пересадит дочь поудобнее и отвечает:

– Так Богу угодно. Люди и те по-разному разговаривают. У русских язык один, у татар – другой, у немцев – третий.

Вроде, только вчера это было, а дочь уже выросла, у самой двое детей, и они, по всей видимости, задают ей те же вопросы. Егор Семенович тяжело вздохнул и почувствовал, как запершило в горле. Дочку было жалко до слез.

Однажды Егор Семенович, приехав к Татьяне, увидел ее зареванной. Виктора третий день не было дома. Детишки сидели на полу, грызли сушки. Другой еды в доме, по видимому, не было. Егор Семенович, считавший себя человеком терпеливым, взорвался.

– Собирайся и едем отсюда к чертовой матери! – сказал он сурово. – Хватит!

Ему казалось, что дочь обрадуется его заботе. Про себя он подумал, что Татьяна еще молода, не растеряла, слава Богу, красоты и здоровья, и выйти второй раз замуж для нее не составит труда. Колька Саморуков, не задумываясь, возьмет ее и с двумя детьми. Он до сих пор ходит неженатым и при встрече все время спрашивает о Татьяне. Но дочь неожиданно возвратила:

– Никуда я не поеду! И вообще, не суйтесь в наши семейные дела. Сами во всем разберемся.

– Если бы речь шла только о тебе, может, и не совались бы, – заметил Егор Семенович. – Но у тебя дети. Двое на руках.

– Это не только мои дети, но и Виктора. Мы их родили, мы и вырастим.

Егор Семенович сначала опешил от такого ответа, но потом понял: от Виктора она не уйдет. Она его вечная раба. И такой ее сделала любовь. Бабье сердце отличается преданностью...

Сейчас он лежал в постели, смотрел на мерцающие в окне звезды и думал о том, что человеческая жизнь устроена несправедливо. Почему-то часто случается так, что если один человек любит другого, тот не дорожит этой любовью. Может, потому, что легко далась, не выстрадал ее? Побегал бы Виктор за Татьяной года три, сейчас бы носил на руках. Да разве мужик вытерпит три года беготни? Нет, не вытерпит. Уйдет к другой... Егор Семенович думал и, сам того не замечая, вздыхал. Ксения тоже не спала. Услышав его очередной вздох, она спросила:

– Чего маешься? Уже светать скоро начнет.

– О Татьяне думаю, чего же еще? – буркнул Егор Семенович.

– Уж лучше бы развелся сразу и не терзал, – вздохнула Ксения. – А то ведь довел до того, что от нее одни глаза остались.

– Я ей предлагал вернуться к нам, – сказал Егор Семенович. – Отказалась.

– И откажется, – тут же согласилась Ксения. – Чего ей от мужа-то уходить?

– Дуры вы, бабы, – произнес Егор Семенович с досадой и отвернулся к стене.

– А вы умные? Кобели несчастные. – Ксения тоже легла к нему спиной.

Егор Семенович тут же повернулся обратно.

– Это кто же кобели? – спросил он. – Я, что ли?

– И ты ни одной юбки не пропустил.

– Ну, это ты зря, – примирительно сказал Егор Семенович. – Я с тобой разводиться никогда не собирался.

Ксения не ответила. Разводиться они действительно не собирались, а вот то, что Егор по бабам бегал, она не только догадывалась, но и знала.

В деревне все сразу становится известным. Сами же бабы и разболтают.

Почувствовав, что жена не в настроении, Егор Семенович не стал продолжать разговор. Утром он отправился к своему старому другу Тимофею Шабанову. Тот сидел в ограде на березовом чурбаке и снимал наждачной бумагой заусенцы на только что выструганном топорище. Тимофей был степенным, мудрым мужиком. Всю жизнь прожил с женой, не ругаясь, вырастил троих детей. Все они обзавелись семьями и живут, не жалуясь на судьбу.

Тимофей отложил топорщице, поздоровался с Егором и кивнул на соседний чурбак, приглашая садиться. Тот сел, шуряя на солнце, достал из кармана сигареты, протянул Тимофею. Мужики закурили. Надо было начать разговор, но Егор Семенович никак не мог решиться рассказать без подготовки о своей беде. Другое дело, если бы сидели за бутылкой, там любая проблема обсуждается легко. Поэтому начал издали.

– С покосом-то управился? – спросил он, хотя знал, что Тимофей уже давно сметал свое сено.

– Тяжело нынче было, – неожиданно сказал Тимофей. – Мне ведь всегда Василий помогал. А здесь, как назло, Анна заболела. Ему пришлось с ребятишками сидеть. Веришь, нет, мужик за две недели высох, как щепка. Шатать его стало и заговариваться начал. Как только Анна из больницы вышла, он и рванул ко мне на покос. За три дня управился. Я его потом еле домой отправил, боялся к детям возвращаться.

Василий был зятем Тимофея. Егор Семенович хорошо его знал. Еще два года назад он работал механиком колхоза, а теперь занялся своим хозяйством. Дочь Тимофея Анна перенесла тяжелую операцию, и жена, как назло, тоже заболела. Управляться с ребятишками пришлось Василию.

– Мужику с ребятишками не усидеть, – согласился Егор Семенович. – На них терпение надо. Особенно на маленьких. – Он вдруг бросил сигарету, затоптал ее каблуком и поднялся с чурбака. – Пора мне.

– Ты зачем приходил-то? – удивившись неожиданной перемене Егора, спросил Тимофей.

– Посоветоваться хотел.

– О чем?

– Теперь уж не надо. – Егор Семенович торопливо направился к калитке.

Пока шел домой, все время думал о том, что образумить зятя могут только дети. Все заботы о них на плечах Татьяны. Сотворив детей, Виктор посчитал свои обязанности по отношению к ним выполненными. Дети не только утомляют, но и раздражают его. Когда Егор Семенович приезжает в город, зять каждый раз жалуется ему, что не высыпается. Шурик постоянно просыпается по ночам и будит своим криком.

– А Татьяна его не слышит? – не скрывая ехидства, спрашивает Егор Семенович. Но Виктор не замечает подковырки.

– Татьяне что? Она может и днем выспаться, – отвечает он.

«В чужих руках и огонь горячим не кажется», – думает Егор Семенович, но разговор с зятем на этом и заканчивается. Влезать в него – значит, обострять их отношения с дочерью. А они и без того накалены. Сейчас Егор Семенович думал о том, как хотя бы на две недели оставить зятя одного с детьми.

Дома его ждала жена младшего брата Полина. Она стояла в ограде с Ксенией возле кабанчика, который два дня назад поранил ногу и теперь еле передвигался от кормушки к корыту с водой. Женщины обсуждали его дальнейшую судьбу. Увидев Егора, Полина обрадованно произнесла:

– А я к тебе. Мне к Николаю надо, он уже четвертый день живет один.

Николай все лето жил на пасеке в сорока километрах от деревни. Дорога туда шла по узкому распадку вдоль речки. По ней в сухую-то погоду Егор Семенович едва добирался на своем «москвиче», а после дождя, когда вздувалась река, она и вовсе становилась непроезжей. Дождь прошел только вчера. Но у Полины и в мыслях не было, что Егор может отказаться от поездки. Он это видел по ее глазам, поэтому сказал:

- Иди, собирайся.
- У меня уже все собрано, – ответила Полина.
- А с кабаном что делать? – спросила жена.
- Вернусь, тогда и решим, – произнес Егор Семенович.

На пасеку они приехали под самый вечер. Николай только что закончил качать мед и сейчас составлял фляги в омшаник. Лето нынче было медосборное, дожди шли регулярно, трава цвела и благоухала.

– Медведь возле пасеки объявился, – сказал Николай, выходя из омшаника. – Следы вчера после дождя вон там видел.

Он кивнул на пихтач, над которым отвесной стеной поднималась скала. Между лесом и пасекой было метров триста чистого пространства.

– Собаки отгонят, – ответил Егор Семенович. – Не напакостит. – Он поднял глаза на вершину сопки, под которой находилась пасека, и добавил:

- Хорошо у тебя тут.
- Меду возьми хотя бы флягу, – предложил Николай.
- Я тебе лучше сюда Татьяну привезу недели на две, – сказал Егор Семенович.
- Ей здесь с ребятишками будет просто благодать, – тут же согласился Николай.
- Одну, без ребятишек, – ответил Егор Семенович.

Николай удивленно вскинул брови.

– Дома у нее нелады, надо от мужа увезти. – Егор Семенович подошел к брату вплотную и, понизив голос, заговорщицки сказал:

– Ты бы не мог прикинуться больным? Иначе она не приедет. А так, вроде, как навестить тебя надо.

- Ну, навестит, – Николай пожал плечами. – Попьет чаю, соберется и назад уедет.
- Там уже я решу, – Егор Семенович посмотрел на брата.
- А когда ты ее хочешь привезти?
- В субботу.
- Ладно, – согласился Николай.

Домой Егор Семенович возвратился глубокой ночью. Утром наточил нож и пошел во двор.

– Все-таки решил? – спросила Ксения.

– Забью кабана и поеду к Татьяне, – сказал Егор Семенович. – А завтра отвезу ее к Николаю. Он сильно хворает, с постели не поднимается.

- Полина вроде ничего не говорила, – Ксения вопросительно посмотрела на мужа.
- Заболел, пока ее не было. – Егор Семенович потрогал пальцем лезвие ножа и вышел... Татьяна обрадовалась, увидев на пороге отца.

– Проходи, пап. Чего стоишь? – сказала она, делая шаг в сторону.

– Виктор дома? – спросил Егор Семенович.

– Нет, на работе.

– Ну да, сегодня же пятница. – Егор Семенович коснулся пальцами лба, словно только что вспомнил об этом. – Я сейчас в машину сбегая и вернусь. Привез вам кое-что.

Вскоре он появился в дверях с двумя большими сумками в руках.

– Здесь мясо, – он приподнял одну сумку над полом. – Кабана сегодня заколол. А это мать вам послала дары полей и огородов. Ты с этой сумкой осторожнее, там варенье клубничное в стеклянной банке.

Татьяна помогла отцу занести сумки на кухню. Первой открыла ту, что с вареньем. На самом верху лежали два пакета, один с конфетами, другой с шоколадными вафлями. Эти подарки внукам Егор Семенович купил уже в городе. Шурик, которому было два года, тут же подскочил к матери и бесцеремонно заглянул в сумку. Старшая Настя, сцепив пальцы рук, наблюдала за всем со стороны. Татьяна достала вафли, протянула их детям:

– Возьмите, это вам бабушка послала.

Ребятишки взяли вафли и тут же исчезли из кухни. Егор Семенович помог дочери освободить сумки. Мясо сунули в холодильник, в котором лежали начатая пачка сливочного масла и пакет кефира. Огурцы, помидоры и капусту Татьяна уложила в коробки и поставила в шкаф под окном.

– Сегодня пир устроим, – сказала она, не скрывая радости.

Татьяна была в короткой юбочке и серой, плотно облегающей тело футболке с коротким рукавом. Егор Семенович окинул ее взглядом. Родила двух детей, а стала еще красивее, чем до замужества. Ни один мужик не пройдет мимо такой женщины, не оглянувшись. «И чего этому Виктору надо? – подумал Егор Семенович. – Видно, не зря говорят, что белый хлеб и тот приедается. Любила бы меньше, носил бы на руках».

– С Виктором-то у вас как? – спросил Егор Семенович, когда Татьяна управилась с гостинцами.

– А почему ты спрашиваешь? – она бросила на него осторожный взгляд и залилась краской.

– Ты ведь мне дочь. Была бы чужая, не спрашивал бы.

– Все нормально, – ответила Татьяна и отвернулась. Ей было стыдно признаться, что позавчера Виктор опять не ночевал дома.

– Когда он придет? – спросил Егор Семенович.

– Если не задержится, в шесть.

– А раньше нельзя?

– Зачем он тебе, – насторожилась Татьяна.

– Плохую новость я тебе привез, дочка, – тяжело вздохнув и опустив голову, произнес Егор Семенович. – Николай помирает. Я сюда прямо от него.

Татьяна побледнела, остановившись посреди кухни. Дядя Николай был ее крестным. Девчонкой она провела на его пасеке не одно лето.

– Что с ним? – спросила она.

– Удар случился. Я к нему врача возил. Врач говорит, по всей видимости, инсульт. А отвезти в больницу нельзя, он нетранспортальный.

– Так он на пасеке, что ли?

– Ну а где же еще? – подтвердил Егор Семенович. – За тобой послал, наверное, хочет попрощаться.

– Он что, не поднимается? – спросила Татьяна.

– Какое там поднимается? Языком пошевелить не может.

Татьяна села на стул, положила руки на колени. После некоторой паузы сказала:

– Съездить, конечно, надо. А на кого ребятишек оставить?

– У них что, отца, что ли нет? – произнес с неподдельным возмущением Егор Семенович.

– Виктор же работает.

– А разве в субботу и воскресенье он не отдыхает?

– Отдыхает, конечно.

– Ну вот. Если завтра мы с тобой съездим к Николаю, послезавтра я привезу тебя назад. За два дня он не похудеет.

– Вряд ли он меня отпустит, – сказала Татьяна, опустив голову.

Виктор пришел с работы вечером. Сухо поздоровался с тестем, не обратив внимания на детей, прошел на кухню.

– Сейчас накрою на стол, будем ужинать, – сказала Татьяна. – Папа мяса привез.

Он не ответил. Достал сигареты и закурил около открытой форточки. Егор Семенович понял, что дела у них намного хуже, чем рисовала Ксения. Раньше при каждом приезде тестя тот доставал из холодильника бутылку, а если ее не было, бежал в магазин. Сейчас, дожидая пока Татьяна накроет на стол, молча сел, пододвинул к себе тарелку и, не глядя ни на кого, начал есть. Егор Семенович видел, что Татьяна побоится сказать ему о поездке в деревню. Поэтому начал сам.

– Николай при смерти лежит, – сказал он, посмотрев на Виктора. – Врачи сказали, больше недели не протянет.

– Что с ним? – спросил Виктор, впервые проявив какой-то интерес к семейным делам.

– Инсульт. Лежит, разбитый параличом, языком уже не ворочает. – Егор Семенович изобразил на лице величайшую скорбь. – Велел Татьяну привезти, проститься с ней хочет.

– Пусть едет, я ее не держу, равнодушно ответил Виктор.

Еле сдерживая себя и стараясь сохранить на лице скорбное выражение, Егор Семенович сказал:

– Мы сейчас после ужина и поедим. А завтра утром к Николаю на пасеку.

– Пусть собирает детей и езжайте.

– Зачем же мы их к полумертвому человеку повезем? – удивился Егор Семенович.

– Мы послезавтра вернемся, – подняв глаза на Виктора, торопливо добавила Татьяна.

– Нет, я с ними не останусь. – Виктор отодвинул тарелку и откинулся на спинке стула.

– Сашка ночью по пять раз встает. А я, когда не выплусь, целый день хожу, как дурак.

– Ничего тебе не сделается, – неожиданно резко сказал Егор Семенович.

– Или пусть забирает детей, – произнес Виктор, поднимаясь из-за стола. – Или никуда не поедет.

– Они что, только ее, что ли? – кивнув на притихших ребятишек, сказал Егор Семенович. – Там человек помирает, а ты бузу затеял. Собирайся! – крикнул он на Татьяну.

Виктор остановился в замешательстве, не зная, что предпринять. Если бы не предсмертное состояние дядьки, он бы заставил Татьяну взять ребятишек с собой. В нынешней же ситуации затевать скандал было неудобно. Тесть этого не поймет, да и настроен он был решительно. Виктор это видел. Поэтому, немного помедлив, сказал:

– Ладно, пусть едет. Но чтобы в воскресенье была дома.

Когда Егор Семенович с Татьяной собрались выходить, Виктор еще раз напомнил ей, чтобы ни в коем случае не задерживалась. Егор Семенович остановился, сказал Татьяне, чтобы шла к машине, а сам закрыл дверь и, привалившись к ней спиной, спросил:

– А если бы вы развелись? Как бы ты жил один со своими детьми?

– При чем тут я? – удивился Виктор. – Дети должны оставаться с матерью.

– Должны, – подтвердил Егор Семенович. – Но не обязаны. Мать тоже может платить алименты. Ты об этом никогда не думал?

Виктор хотел что-то сказать, но Егор Семенович не стал его слушать, саданул на прощанье дверью и вышел из квартиры.

Когда выехали за город, сказал, повернувшись к Татьяне:

– Вижу, что у вас с Виктором не все благополучно. Что случилось?

– Что случается с мужиками, – тихо произнесла она, понуриив голову.

Больше до самой деревни она не проронила ни слова. Приехали уже по темноте. Едва свернули с большака, Татьяна открыла окно машины, и Егор Семенович заметил, как жадно втягивает она трепещущими ноздрями родной воздух, всматриваясь в знакомые очертания местности. Очевидно, только здесь отошла от своих тревожных дум. Справа от дороги простирались пшеничные поля, слева шла гряда сопок, вершины которых на фоне темного неба походили на громадные верблюжьи горбы. Далеко за ними находилась пасека Николая.

Все эти места Татьяна исходила своими ногами. Вместе с девочками она собирала на сопках клубнику, в окрестностях пасеки рвала кислицу и черемуху. Но больше всего она любила помогать Николаю качать мед. Они по очереди крутили ручку медогонки, и Татьяна с благоговением смотрела, как из нее тоненьким прозрачным ручейком стекает во флягу тягучая и ароматная, удивительно вкусная жидкость. Рядом с медогонкой стоял большой эмалированный таз, в который Николай острым ножом срезал с каждой соты тонкий слой воска. Этот воск, полный меду, любила жевать ребятня. Татьяна не отрывала взгляда от темных очертаний сопки и, по всей видимости, вспоминала времена своего детства.

Дома она кинулась на шею матери, спросила, глотая слезы:

– Что с дядей Колей?

– Не знаю, – ответила Ксения. – Я сама вся извелась. С тех пор, как отец оттуда приехал, никто больше на пасеке не был.

Утром, чуть свет, Татьяна была уже на ногах. Егор Семенович слышал, как она ходила в своей комнате, шлепая босыми ногами по полу. Ей, конечно же, хотелось быстрее поспать к больному дядьке, чтобы оттуда сразу возвратиться домой.

– Может, и нам встать? – спросила Ксения, приподнимая с подушки голову.

– Лежи! – строго приказал Егор Семенович. – Время-то еще только пять.

За окнами было светло. Притаившаяся за сопками заря еще прятала солнце, но первые его лучи уже ласково обнимали сбрасывавшие дрему вершины. Минут десять Егор Семенович лежал в постели, обдумывая, как лучше затеять разговор с Татьяной, чтобы рассказать ей всю правду. Но ни одной стоящей мысли в голову не приходило, и он понял, что даже самое долгое лежание ничего не даст. Сбросив одеяло, он, крихтя, поднялся с постели.

Татьяна вышла из своей комнаты уже одетой.

– Ты что встала ни свет ни заря? – спросил он, искренне удивившись.

– Выспалась уже, – сказала Татьяна. – Дома и спится по-другому.

Окно ее комнаты, выходящее в палисадник, было открыто настежь. Прямо под ним рос огромный куст окультуренного шиповника, который Ксения называла сибирской розой. Его цветы с большими тонкими лепестками походили на розы и издавали такой же благоухающий аромат.

– Хорошо здесь, – Татьяна кивнула в сторону окна. – Все утро соловей пел. Он меня и разбудил. Прямо, как в детстве.

– В детстве ты в это время спала без задних ног, – заметил Егор Семенович.

– Ну а в старших классах? – сказала Татьяна.

– В старших классах, когда начинал петь соловей, мы с матерью еще ждали тебя с вчерки.

Разговор с дочерью предстоял трудный, поэтому с самого утра он настраивал себя на суровый лад. Егор Семенович до слез, до сердечной боли любил Татьяну. Ему казалось, что всю свою нежность, которую дал Бог растратить на женщин, он отдал ей. Дочка выросла и красивая, и умная, и послушная. И в семье у нее все складывалось сначала неплохо. Егор Семенович смирился с тем, что Виктору не предназначено судьбой хватать с неба звезды. Про себя он решил: буду помогать им, покида могу. Лишь бы Татьяна была счастлива. Но оказалось, что со счастьем-то ей как раз и не повезло.

– Когда поедем? – спросила Татьяна, подходя к отцу.

– Управится мать со скотиной, позавтракаем и поедем. Сходи пока на улицу, подыши свежим воздухом.

Мать заранее собрала Татьяне сумку. Положила туда чистое белье, крем, даже губную помаду. Дочь ведь думает провести на пасеке пару часов и вернуться. Егор Семенович сам отнес сумку в салон машины.

Когда выехали из деревни и по узкому распадку, окруженному темной пихтовой тайгой, устремились в горы, Татьяна немного посветлела. Егор Семенович, чтобы поддержать ее настроение, а, главное, подготовить к тому, чего она не ожидает, мечтательно произнес:

– Представляешь. Приезжаем мы сейчас к Николаю, а он ходит между улыев и поглядывает на дорогу, поджидая нас.

– Ну что ты, – сказала Татьяна. – От инсульта так быстро не оправляются.

– Всякое бывает, – заметил Егор Семенович. – Вон в Ельцовке один мужик три дня без сознания пролежал, а потом очнулся и пошел, как ни в чем не бывало.

– Хорошо бы, – сказала Татьяна.

Машину тряхнуло, и Егор Семенович замолчал, сосредоточившись на дороге. Это было в самое время. Про ельцовского мужика он сочинил сам, а дальше врать становилось неудобно. «Москвич» Егора Семеновича начал стонать, переваливаясь с камня на камень, мотор подвывать и Татьяна с опаской посмотрела на отца.

– Да, – сказал он, перехватив ее взгляд. – Лишний раз сюда не поедешь. А в дождь – и думать нечего.

Пасека показалась, когда ущелье неожиданно раздвинулось, превратившись в небольшую долину. На ее краю, приткнувшись к высокой скале, стояла рубленая из бревен изба. Рядом с ней на склоне горы виднелось несколько десятков похожих на спичечные коробки ульев. Услышав машину, из-за дома выскочили две серых лайки с маленькими острыми ушами и закрученными в кольца хвостами.

– Нас встречают, – сказал Егор Семенович, сворачивая к избе.

На пороге дома показалась Полина. Егор Семенович остановил машину, вышел. Татьяна вышла вслед за ним. Полина обрадовалась, увидев Татьяну, кинулась ей навстречу. Они обнялись, потом Полина повернулась к Егору Семеновичу и сказала:

– Николай-то второй день не поднимается с постели.

– Что с ним? – спросил Егор Семенович, у которого все сразу обмякло внутри. Тут же подумалось, что это он накаркал беду брату.

– Кто знает, – Полина вопросительно посмотрела на Егора. – Лежит весь мокрый, а самого трясет.

Егор Семенович размашистым шагом направился в избу. Николай лежал на кровати, закрытый одеялом до подбородка. Щеки его впали, мокрые волосы прилипли ко лбу.

– Ты чего это? – спросил Егор Семенович, присаживаясь на краешек кровати.

– Бог нас, наверное, услышал, – сказал Николай. – Надо было заболеть, я и заболел.

– Да нет, болеть-то как раз не надо, – сказал Егор Семенович.

– Татьяна приехала? – спросил Николай.

Егор Семенович кивнул. На пороге показалась Татьяна. Она подошла к кровати, остановилась у изголовья.

– Ну вот, теперь я быстро поправлюсь, – сказал Николай, подняв на нее глаза. Он выпростал из-под одеяла руку и показал ладонью на место около себя.

Татьяна села на кровать, а Егор Семенович встал и пошел к Полине. Она в сенях наливала из фляги мед в чашку.

– Давно он заболел? – спросил Егор Семенович, остановившись около нее.

– Вчерась. Попил воды прямо из ключа, горло и перехватило. К вечеру температура поднялась такая, думала – не выдержит.

– По всей видимости, ангина. Лекарства есть?

– Да есть какие-то. Только я в них не разбираюсь.

Зашли в избу. Полина достала из шкафа полиэтиленовый пакет с лекарствами. Егор Семенович перебрал их, нашел упаковку аспирина. Оторвал две таблетки, протянул их Полине:

– Пусть выпьет. А то скрутило, на мужика не похож.

Полина отнесла таблетки мужу, налила в стакан теплой воды, чтобы запил. Татьяна встала с кровати, подошла к отцу, спросила:

– Так у него еще и простуда?

– По всей видимости, так, – сказал Егор Семенович и, глядя дочери прямо в глаза, добавил: – Придется тебе здесь остаться, пока он не выздоровеет.

– Да ты что? – испугалась она. – Там же Виктор с ума сойдет.

– А вот ему недельки две с ума посходить только на пользу будет.

– Нет, нет, – решительно запротестовала Татьяна. – И не думай даже. Я уеду с тобой.

– А вот и не уедешь, – произнес Егор Семенович с таким металлическим оттенком в голосе, что она даже отшатнулась. – Этот шатун уже детей своих за родных не признает. Пусть повозится с ними, узнает, что это такое.

– Так ты меня сюда для этого привез? – спросила Татьяна и на ее глазах появились слезы.

Егор Семенович повернулся и пошел из избы. Он не переносил женских слез. Татьяна кинулась за ним. Он подошел к машине, достал сумку с вещами, протянул ей.

– Поживи недельку, а там посмотрим. Я думаю, у нас с тобой другого выхода не было.

Положись на меня.

Татьяна не ответила. Из-за скалы показался Пашка, двенадцатилетний сын Николая.

В одной руке у него была удочка, в другой кулан с рыбой.

– Иди, встреть брата, – сказал Егор Семенович и, достав из кармана носовой платок, протянул Татьяне:

– Вытри слезы. Когда ты плачешь, становишься некрасивой. – Потом добавил:

– За детей он отвечает так же, как ты. Они и ему родные.

Егор Семенович завел машину, стараясь не глядеть в глаза дочери, тронулся с места. Всю дорогу от пасеки до дому он думал, не сделал ли Татьяна хуже. Но, поразмыслив, пришел к выводу: у нее и так все настолько плохо, что хуже уже не может быть. «Нашла, за кого выходить», – в который раз подумал Егор Семенович и решил, что если Виктор привезет ему внуков, он их отправит обратно вместе с ним. Пусть по-настоящему узнает, что такое семья. Не зря говорят: что легко дается, то не ценится.

Зять приехал к нему в субботу на рейсовом автобусе один. Присмотреть за детьми, по всей видимости, попросил соседку. Егор Семенович возился в ограде с мотоциклом. Не с «Ямагой», как у Кольки Саморукова, которую тот купил недавно, а со стареньким «Ижом», прослужившим ему уже лет двадцать. Правда, последние годы он стоял у него в сарае. А теперь подумал: чем гробить по камням машину, лучше уж добираться до пасеки на мотоцикле.

Зять выглядел бодро. На нем была чистая, хорошо выглаженная рубашка и модная куртка. Кивнув Егору Семеновичу, он недовольно спросил:

– Где Татьяна?

Весь его вид показывал, что заходить в дом он не намерен. Остановившись в двух

шагах от теста, он даже не протянул ему руку. Егор Семенович ставил на мотоцикл карбюратор. Затянув гайку, он поднял голову на Виктора и, кивнув в сторону дома, сказал:

– Проходи, чего стоишь?

– Некогда мне, – отрезал Виктор. Объяснение с тестем не входило в его планы.

– А почему один? Где ребятишки? – спросил Егор Семенович.

– О детях она должна думать, – сказал Виктор.

– Нету ее.

– Как нету? – удивился Виктор.

– Нету и все. – Егор Семенович нажал на ручку, проверяя тормоза мотоцикла.

– В общем, так, – сказал Виктор. – Передайте Татьяне, пусть сегодня же забирает детей. Вечером я уезжаю, и, может быть, не вернусь.

– А ну-ка иди сюда, – сказал Егор Семенович, направляясь к зятю. Тот отступил на шаг. – Иди, я тебе говорю! – требовательно повторил он.

Виктор остановился. Егор Семенович повернулся и пошел к крыльцу. Замешкавшись на мгновение, Виктор направился вслед за тестем. Надо было довести разговор до конца. И лучше всего это было сделать сейчас, пока не остыл.

Егор Семенович сел на крыльцо и кивнул на место около себя. Виктор сел, обхватив колено ладонями. Ему хотелось показать, что разговор, который начнет тесть, не интересен, он его знает наперед.

– Ну, и что ты думаешь делать с детьми? – спросил Егор Семенович.

– Спросите у дочери, она им мать.

– А ты кто? Двоюродный плетень нашему забору, что ли?

– К чему вы все это заводите? – не выдержал Виктор. – Пусть забирает, и надо с этим кончать.

– Никого она забирать не будет, – отрезал Егор Семенович.

– Как не будет? – у Виктора отвисла челюсть. – Вы это серьезно?

– Серьезнее некуда. – Егор Семенович даже посуровел лицом, произнося эти слова. – Татьяна себе новых родит. Хватит мучиться с таким забуддыгой, как ты.

Виктор втянул голову в плечи, ссутулился. Потом сказал:

– Она не имеет на это права.

– Я имею, – резко произнес Егор Семенович. – Не можешь быть мужиком, будь бабой. Настоящего мужика должно хватать на все: и на семью, и на работу, и на остальное.

Виктор насупилсь, уставившись на носки своих ботинок. На одном из них была старая, не замазанная кремом царапина. Егор Семенович, посмотрев на него, добавил:

– Если не хватает, от чего-то надо отказываться.

В дальнем конце улицы затарахтел мотоцикл. Егор Семенович по звуку узнал «Ямагу». Через несколько секунд Колька Саморуков остановился около калитки. Заглушив мотор и стянув с головы шлем, он крикнул, не слезая с сиденья:

– Егор Семенович, я слышал, что Татьяна приехала?

– Приехала, Коля. Она уже неделю здесь.

– А можно с ней поговорить?

– На пасеке она, – сказал Егор Семенович.

Колька натянул шлем, мотоцикл рывкнул и, сорвавшись с места, исчез в ближайшем переулке. Виктор проводил его взглядом и спросил:

– Кто это?

– Предприниматель из нашей деревни. С Татьяной в одном классе учились.

Виктор встал с крыльца, подошел к «Ижу», одиноко стоящему посреди ограды. Покрутил ручку газа, резко нажал на стартер. Мотоцикл взревел. Виктор перекинул через него ногу, ловко уселся на сиденье.

– Ты куда? – испуганно спросил Егор Семенович.

– На пасеку, – сказал Виктор и, поддав газу, пустился вдогонку за Саморуковым.